

The background of the book cover is a clear blue sky with soft, wispy white clouds. On the left side, there are several icicles of varying lengths and thicknesses, hanging vertically. The largest icicle is on the far left, followed by a few smaller ones. The text is overlaid on this background.

18+

Владимир Дараган

Недосказанность

Владимир Дараган

Недосказанность

«Издательские решения»

Дараган В.

Недосказанность / В. Дараган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988324-7

Это сборник миниатюр и эссе, написанных в разные годы. Немного философских, немного смешных, немного грустных. Как и наша жизнь.

ISBN 978-5-44-988324-7

© Дараган В.
© Издательские решения

Содержание

Закон Ньютона о кошках	7
Недосказанность	8
Билл у зеркала	9
Невидимка	10
Хочу другой будильник	11
Коротко	12
Одиночество	13
Молчание	15
Острова стабильности	16
Не знать	18
Что внутри	19
Баба-Яга против!	20
На берегу	22
Любить не просто	24
Ветер	25
Маленькие рассказы	26
Сан Саныч	27
О галопе сферического коня в вакууме	30
Немного лирики	31
После покорения вершины	32
Крыши	33
Не торопись!	34
Старое и новое	35
В толпе	37
Уехать	38
Новая жизнь	39
Сложно построить дом	40
Медицинское	41
В одну строчку	42
Диалоги	44
Тире между датами	45
Необратимость и «мужественность»	46
Опять падает снег	47
Лучший мир	48
Все побежали, и я побежал	49
Комфорт и свобода	50
Жираф в зоопарке	51
В трамвае	52
Погружение	53
Изменение вектора	54
Дорога в степи	55
Мир против нас	56
Гармония	58
Жажда ненужных знаний	59
Из блокнота	60
Путь вниз	62

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Недосказанность

Владимир Дараган

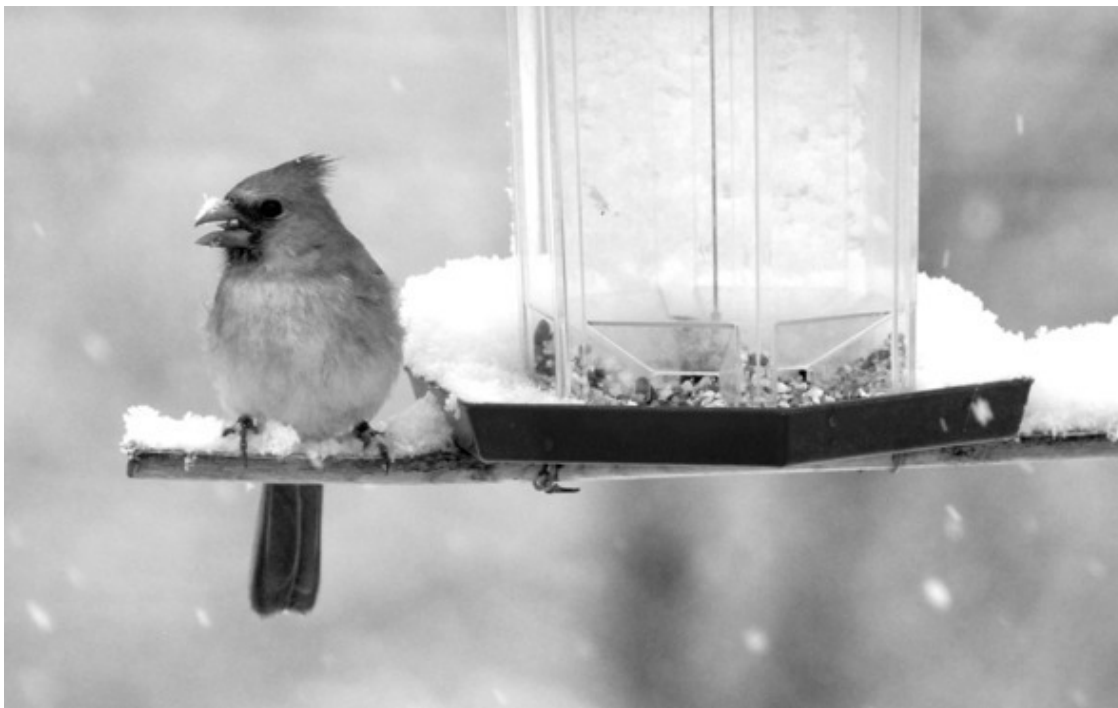
© Владимир Дараган, 2020

ISBN 978-5-4498-8324-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закон Ньютона о кошках

– Я в выходные проверил закон Ньютона о кошках, – загадочно сказал друг-физик. Я такой закон не знал и оторвался от компьютера. ДФ продолжил:

– У Ньютона были две кошки: маленькая и большая. Для маленькой кошки он проделал маленькую дырку в двери, а для большой кошки сделал вторую, много больше первой. Однако Ньютон заметил, что обе кошки пользуются одной большой дыркой. Отсюда его закон о кошках: кошки не такие дуры, чтобы лезть в маленькую дырку, если рядом есть большая.

– Но у тебя нет кошек! Как же ты проверил этот закон?

Я не мог представить, что ДФ добровольно возьмет стамеску с молотком и будет проделывать дырки в двери, но об этом говорить не стал.

– Я поступил по-другому – купил две птичьи кормушки. Маленькую – для маленьких птичек, а большую – для больших. По закону Ньютона все птички должны были прилетать на большую кормушку, ведь там проще зернышки доставать и сидеть удобнее.

– Ну и...

– Полный облом закона Ньютона. Маленькие птицы сидели на маленькой кормушке, а большие на большой.

– Да... а наука способна сказать веское слово?

– Не знаю, как наука, а я способен. С большой кормушки большие птицы гоняли малышню прочь!

Недосказанность

Вернулся муж из командировки и сразу посмотрел в шкаф – никого нет! Посмотрел под кроватью – никого нет! Посмотрел под одеялом – тоже никого нет! Сел он на стул и вспомнил, что и жены у него нет. (С)

И сразу вопросы:

- А почему он тогда муж? Он развелся?
- А какая у него квартира, на каком этаже?
- Они после развода разменяли квартиру?
- А какая квартира ей досталась?
- А он еду принес домой или ему надо в магазин идти?
- А сколько ему лет?
- Он, наверное, сейчас будет подружке звонить!

Я не люблю писать длинно. Вернее, не умею. Для этого нужно время, специальный талант, терпение и хорошая память. Но есть и еще кое-что. И это «кое-что» очень мешает. Это описано в теории ветвящихся процессов.

*Он взял ее за руку, и они пошли по вечернему городу. У перекрестка она спросила:
– Нам налево или направо?*

Вот тут я поднимаю руки. В жизни-то я знаю, куда идти. Я всегда иду туда, где хорошо кормят! А куда направить героев в рассказе? Туда, где кормят лучше? Или туда, где ветер в лицо, где из подворотни кто-то смотрит недобро, где кончается асфальт?

Я не знаю. Конечно, мне хочется накормить героев, но тогда не будет рассказа. А направить их в другую сторону – это почти бесчеловечно. Поэтому я оканчиваю рассказ на перекрестке.

Хорошо, что я много пишу в сети. Меня всегда можно спросить:

- А как была она одета?
- А почему она ничего не знает и все время у него спрашивает?
- Так не бывает в жизни. Вот мы вчера гуляли с подругой, так я сам у нее спросил, куда это мы направляемся?
- А они что – недавно познакомились? Столько гуляли и ни разу не поцеловались!
- А они поженятся?

Если я успеваю, то с удовольствием отвечаю. Иногда мысленно кидаю монетку. Любит – не любит, плюнет-поцелует...

Столько возможностей в жизни. И все реализуемые. Как в любых ветвящихся процессах.

Билл у зеркала

Можно счастливо жить в маленьком городке, где ничего не происходит. Счастье в спокойствии, в уверенности, что завтра взойдет солнце и начнется день, похожий на вчерашний. Время течет медленно, измеряется выросшей травой и опустевшей сахарницей. Большой мир лишь на экранах телевизоров и компьютеров. Новости кажутся далекими, чужими, влияющими только на ценники бензоколонок. В церкви рассказывают о древней книге – это сближает тысячелетия, проблемы похожие. Полиция скучает, пропавшая собака – уже событие. Девушки по вечерам сидят на скамейке около придорожного ресторанчика – сюда заглядывают люди из большого мира. На девушек они не смотрят, хлопают дверями машин и исчезают.

Большой мир пугает. Счастье там шумное, непонятное, требующее больших денег или знакомств. Знакомых нет. Уехавшие не пишут, перестают считаться знакомыми. Приезжают на праздники, пошумят среди родных и уезжают рано утром.

– К черту такое счастье, когда знаешь, где тебя будут отпевать и закапывать. Нужны деньги, чтобы тут не свихнуться, – сказал Билл своему отражению в зеркале. – Хорошие деньги.

Отражение посмотрело на него красными от бессонной ночи глазами и сказала, что хорошие деньги только в банке. А ехать до него всего двадцать миль.

...Писатель нажал на кнопку «сохранить файл», встал, включил чайник, наполнил сахарницу и посмотрел в окно – не выросла ли трава на газоне?

Невидимка

«Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха».

– Н. В. Гоголь, «Шинель»

Путешествуя по большим городам, надо быть готовым, что ты превращаешься в невидимку. Городу и его жителям абсолютно все равно – есть ты или нет. Ты идешь в толпе, бродишь по музеям, тарачишься на памятники – и толпе, и музеям, и памятникам ты безразличен. Кому нужны невидимки?

Это и хорошо, конечно. Никто не мешает погрузиться в философские размышления о следах, которые ты оставляешь, о всём преходящем и немного о вечности.

Ты становишься видимым, когда достаешь из кармана деньги, чтобы их потратить. Но это краткий миг твоей нужности. Потом до тебя снова никому нет дела. Ты опять невидимка.

Но вот ты уехал из города и...

«И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда и не было».

Хочу другой будильник

Я не люблю свой будильник.

Его звонок не предвещает ничего хорошего. Надо или на работу собираться, или думать о срочных неинтересных делах.

Хочу новый будильник.

А лучше три.

Позвонит первый, можно выключить компьютер, выйти в сад, посмотреть на звезды и, зевая, отправиться в спальню.

После звонка второго будильника можно забыть о повседневной суете, налить в термос горячий чай, положить в багажник газовую плитку, холодильник, набитый продуктами, и уехать на север. Там, между темными елями и красными кленами, моросит дождь, а земля пахнет грибами.

А если позвонит третий будильник, то надо все бросить, сесть в самолет, перелететь океан и приземлиться в городке, где в маленьких кафе неяркие лампы освещают белые чашки с кофе, пузатые бокалы с коньяком и женщин в теплых свитерах, обсуждающих свои нехитрые, но очень важные новости. А рядом между соснами гуляет мокрый ветер, прилетевший с холодного серого моря.

Коротко

Мужчины

– Ты знаешь в чем преимущество мужчин старшего возраста? Они лучше понимают, чего хотят.

– Стало меньше желаний?

– Желания все остались, но они более четко сформулированы.

Уходят женщины

– Напиши, как уходят женщины.

– Женщины никуда не уходят, просто ты вдруг понимаешь, что они не ждут твоего звонка.

Ясновидцы

Трагическая логика ясновидцев – они не могут предотвратить катастрофу и при этом оставаться ясновидцами. Если катастрофы не будет, то это значит, что они ошиблись в предсказании.

Одиночество

Если верить печатному слову, то в Нью-Йорке одна треть жителей живет в одиночестве. То есть за невестами надо ехать не в Иваново, а в Нью-Йорк. Но надо быть готовым, что замуж никто не пойдет – жить одному удобнее.

Франсуа Мориак утверждал, что «Париж – это населенное одиночество». О Нью-Йорке он бы написал так же.

Одиночество – это неизбежная плата за успех, власть, за путь наверх, если идти по головам. Но одиночество бывает и без этого. Так складывается, хоть косяки у дверей грызи.

Соцсети – спасение от одиночества. Пусть суррогатное, но общение. Это и хорошо, и плохо. Плохо, что есть соблазн этим суррогатом и ограничиться.

Уильям Фолкнер говорил, что с одиночеством особенно опасно смешивать алкоголь. Но мало ли что говорили писатели, потягивая виски с содовой в барах Гринвич-Вилладжа.

Одиночество – это не только пустая комната, безлюдный парк или молчащий телефон. Это еще нереализованное желание рассказать кому-нибудь о красивых облаках или приготовить для него мясной рулет и вкусный соус.

«Одиночество в толпе», «одиночество вдвоем» и «одиночество в сети» – эти фразы стали заезженными. Но от этого они не стали слаще.

Чтобы спастись от одиночества ты идешь в клуб любителей выжигания по дереву, но встречаешь там таких же одиноких, которые не могут тебе помочь. Потом ты привыкаешь и говоришь, что одиночество – это неплохой собеседник. Он никогда не спорит, всегда рядом и даже по-своему любит тебя.

Молчание

Мы взрослеем и становимся молчаливее.

Парадокс? Ведь мы становимся немножко мудрее. Или хотя бы опытнее. У нас есть, что рассказать и даже, если набраться наглости, чему-то научить. Но мы говорим максимум десять процентов из того, что могли бы сказать.

Не хочется? Лень? И это тоже. Но главное – мы начали понимать, что нас не услышат.

Бесполезно рассказывать о печеных яблоках тому, кто их не любит. В ответ нам расскажут, что вино из яблок вкуснее и полезнее для промывки организма. А мы, в свою очередь, не услышим рассказ о яблочных винах и кальвадосе, как бы ни старался наш собеседник.

Что делать? Ведь так мало совпадений. Где найти того, кто любит печеные яблоки, брокколи в лимонном соке, пережаренные котлеты, поэзию Блока и дифференциальные уравнения второго порядка?

Вот нашли мы человека, любящего пережаренное мясо, а он возьми и ляпни, что ненавидит все дифференциальные уравнения, и особой ненавистью пылает к уравнениям второго порядка.

Ну и что, скажут некоторые. Говори с ним о мясе и забудь про уравнения.

Сказать легко. А что делать, если из глубины души рвется уравнение Лапласа в сферических координатах? Какое там мясо, когда на подступе уравнение Шредингера! Вот так, день за днем наступать на горло собственной мысли? И в одиночестве слушать на кухне шипение мяса на сковороде, а не волшебную музыку волнового уравнения для неоднородной среды.

Идут годы, и ты вдруг понимаешь, что большая часть твоих мыслей интересна только тебе. И проще разговаривать с самим собой. Ведь тот, кто внутри, так хорошо понимает тебя. Он слышит по утрам пенье ворон и радуется этому вместе с тобой. Ведь это означает, что пришел новый день, пусть даже с мокрым снегом, солеными лужами и холодным сиденьем в машине. И он, как и ты, уверен, что утренний душ придумали средневековые инквизиторы, а овсянку – безжалостные бунтари во главе с неподкупным Кромвелем, хладнокровно отрубившие голову Карлу I.

Можно, конечно, метаться среди равнодушной толпы в поисках человека, готового сегодня поговорить о загадках женской души, на следующий день искать того, кто разбирается в бинарных опционах, потом все бросить и отправиться на край света, чтобы поговорить о золотых рыбках, плавающих в теплых морях.

А можно просто молчать, спокойно обсуждая с твоим внутренним «я» проблемы большого зуба, трёхсложных стоп с ударением на втором слоге и таинства лунного света в майскую полночь. И свое мнение высказывать только тем, кто способен его принять.

Второе проще. Так мы и становимся молчаливее и загадочнее, хотя загадок у нас мало. Просто мы начинаем понимать, что безжалостно тикают часы, качаются маятники, течет вода, восходит и заходит солнце, возвращаясь на свои круги, которых осталось для нас не так много. И зачем тратить время на переубеждение непереубеждаемых, на беседы о сокровенном с равнодушными, на порывы, которые непонятны и раздражают вечно спешащих и опаздывающих?

А еще можно сесть за старый стол, покрытый зеленым сукном, зажечь свечу, обмакнуть в чернильницу гусиное перо и записать то, что волнует тебя сейчас, в надежде, что кто-то прочтет твои строки и скажет спасибо. Не за то, что ты чему-то научил, а сказал то, что он думал. Ведь нет одиноких душ, а есть души, которые еще не встретились.

Острова стабильности

В жизни всегда больше плохого, чем хорошего.

Больше скучного, чем радостного и веселого.

Хорошая погода – это между 18 и 23. И еще без дождя и сильного ветра. Много ли таких дней?

Хорошее время – с вечера пятницы до вечера воскресенья. Это всего 28%. Если добавить отпуск и праздники, то получается 37%. Это все равно меньше половины.

Родные и любимые приносят огорчения, добавляют заботы. Если не добавляют, то не такие они родные и любимые. Или внутри тебя что-то засохло.

Творчество? Про штамп «муки творчества» все слышали. Не от хорошей жизни он появился.

Про такие мелочи, как здоровье, настроение, безденежье, вранье, несправедливость я промолчу.

А еще есть проблемы выбора и принятия решений. В какой институт поступать, какую выбрать специальность, как работать – делать карьеру или наслаждаться жизнью? Копить деньги на старость или путешествовать и дарить любимым подарки? Проводить время с семьей или думать о своем развитии? Встречаться с друзьями или варить борщ и вылизывать квартиру?

Мы пробираемся сквозь колючий терновник, надеясь увидеть звезды. Но звезды – это потом или никогда. А вот терновник не кончается. И чем дальше, тем злее колючки. И что нам мешает сойти с ума или сесть в изнеможении на холодную землю, предавшись горестным мыслям?

Острова стабильности. Там, где ты знаешь все повороты тропок и скамейки для отдыха. Там, где тебя ждут и всегда на твоей стороне. Там, где чисто, светло и тихо.

Неудачи на работе? Но ведь есть тот, кто любит тебя и кого любишь ты.

Бросила любимая? Но ведь есть работа, где у тебя что-то получается.

Объявили неприятный диагноз? Но ведь есть озеро, которое не меняется уже много лет и дает тебе силы, когда ты об этом просишь.

Стал чужим родной город? Но ведь не весь! Смотри, вот та рябина, с которой ты срывал ягоды, когда тебе было плохо. Она всё та же. И ягоды такие же – горькие, бодрящие.

Весь мир отвернулся от тебя? Так не бывает. Ведь всегда можно взять кусок черного хлеба, сверху густая сметана, соль, кольца лука или кружки редиски. Помнишь, как ты любил это в детстве? Тогда иногда казалось, что ты поссорился со всем миром. Точнее с девчонкой в зеленом пальто с меховым воротником и с непонятной улыбкой. Она и была целым миром. И ничего, ты пережил. Жевал хлеб со сметаной, и мир начинал казаться больше, чем ты думал.

Ты скажешь, ну что это за расплывчатые острова? Сегодня одни, завтра другой. Всё тает в тумане времени, всё рассыпается.

Но ведь не всё? Островов много, надо их найти и держаться рядом, когда твою лодку болтает на волнах. Устал бороться с ветром и холодной водой? А вот твой остров, там тебя ждут. Высушат одежду, напоят глинтвейном, уложат в чистую постель с хрустящими простынями. Завтра будет другой остров – это неважно. Главное, что будет.

У тебя ведь их много, не так ли?

Не знать

Однажды в нашу школу пришел студент МВТУ и сказал, что будет вести математический кружок.

– А на фиг? – спросили его.

– Стране нужны люди, знающие математику, – издали начал студент.

– Валяй, если нейдет, – перебил его завуч.

Студент лихо приступил к занятиям. Сначала он рассказал о дифференциалах, небрежно заметив, что это элементарно, а вот через неделю...

Через неделю он исписал интегралами полдоски и намекнул, что скоро начнется самое интересное. Самым интересным оказались трехмерные интегралы и дифференциальная геометрия. Мы с ужасом смотрели на доску, не в силах даже срисовать, что там было начерчено.

– Надо идти в торговлю, – сказал Шурик. – Сегодня я понял, что переступил предел, за которым начинается плохое настроение.

– Есть вещи, которые лучше не знать, – добавил Витька.

Я промолчал, но сказанное запомнил: один из способов не портить себе настроения – что-то не знать, не смотреть дальше неких пределов. Не надо знать, сколько зарабатывает твой начальник. Не надо знать, сходила ли жена налево. Не надо знать правила, которым ты все равно не будешь следовать. Если тебе нравится твоя работа, не узнавай, сколько на тебе заработали посторонние.

– Если любишь сосиски, не пытайся узнать из чего их делают! – крикнул Витька из нашего прошлого.

Что внутри

Детство. Разбираешь игрушки, чтобы узнать, из чего они сделаны. Затем хочешь понять, как работает телевизор. Повзрослев, суешь нос, куда не просят. Потом кризис старшего возраста – это когда лень узнавать, что это за кнопка в машине и гордишься, что не знаешь все функции телефона. Дескать, занятый ты очень, не до глупостей.

Совсем беда, когда залезаешь в башню из слоновой кости, из которой виден лужок и прудик с утками. Слезать с башни лень, мирок там уютный. Устройство остального мира уже неинтересно. Ты всё видел, всё знаешь. Молодым не завидуешь – суета у них впереди. У тебя позади. У тебя сладкий чай, плед и книжка с картинками. Книжка о мире, который тебе наскучил. Читаешь, чтобы убедиться – ничего нового не придумано. Слова другие, а суть одна, тебе знакомая – бессмысленная суета.

Хочешь что-то написать, но не можешь. Видишь, что пишешь, как другие. Только слова переставляешь. Кому нужны такие перестановки?

По ночам заглядывает безглазая. С косой.

– Готов?

– Нет, ты что! У меня бицепсы, трицепсы и печень отличная.

– Так ты уже не живешь.

– Это как?

– Что ты делал неделю назад?

– Не помню.

– Значит время для тебя остановилось. Какая тебе сейчас разница – в башне или под березкой?

Просыпаешься. Трёшь щеки. Приснится же такое! Это звонок. Значит, пора начинать сначала. Разбирать игрушки, узнать, как работает телевизор и понять, почему от тебя уходили женщины. И еще понять, как художники творят чудо одной кисточкой. Подойдешь ближе – сумбур красок. Отойдешь – смотришь и уйти не можешь. Мазком за мазком можно сделать удивительное. То, что поразит мир, который устроен не так, как ты думал в своей башне. Так что печень тебе еще пригодится. И бицепсы тоже.

Баба-Яга против!

Ко мне во сне пришла Баба-Яга и сказала, что счастья у меня больше не будет

– Как так! – спросил я. – Почему?

Но Баба-Яга села в ступу и улетела.

Я проснулся возмущенный. Почему я не могу каждое утро просыпаться счастливым, а вечером с нетерпением засыпать в ожидании нового дня?

– А потому что Баба Яга против! – вспомнил я старый мультфильм.

Баба Яга почти всегда против. Ведь можно проснуться утром, открыть окно, впустить свежий ветер с осенними листьями, взять в руки кошку и гладить ее, слушая счастливое мурлыканье.

А Баба Яга против!

Надо уткнуться носом в мутное стекло, нахмурить брови, а у подошедшей кошки начать искать блох. А еще Баба Яга научит, что у каждого счастливого человека надо сначала покопаться во внутренностях, потом посадить его на лопату, отправить в печь, собрать его косточки в подол, разбросать по огороду, а потом с наслаждением на них поваляться-покататься.

А как иначе? Ведь классики учили, что «жизнь есть страдание». И если ты не страдаешь, то не живешь, а полный неведения катишься по скользкой плоскости к обрыву. И кому ты нужен такой скользящий? Так уж лучше сразу в печку и на огород. Пусть хоть кто-то порадуются.

Я знаю, что такое страдание. Я не о боли, о другом. Это случается, когда много думаешь. Не хочешь думать, а думаешь. Страдание – это когда знание прошлого и будущего превышает терпение твоей совести и эгоизма. Именно поэтому я перестал что-либо планировать больше, чем на месяц вперед. Это попытка быть счастливым.

А Баба Яга против!

Она против того, чтобы я не думал о будущем. Тогда я делаю обманный ход и начинаю думать о том, что будет через миллионы лет. При этом делаю вид, что не знаю, что будет через три месяца. Знаю, что будет зима, но не хочу знать, что будет со мной в эту зиму.

А Баба Яга против!

Она находит тебя и говорит, что ты прекрасно знаешь, что будет через три месяца. Ты знаешь, какие книги ты напишешь, а какие бросишь после первой страницы. Но ты все равно будешь пробовать их написать. Просто для того, чтобы убедиться, – это не твое. И ты знаешь, с кем ты встретишься и с кем расстанешься. И все равно ты будешь встречаться с теми, кому ты не нужен, и с теми, кто не нужен тебе. И ты знаешь, куда поедешь, даже понимая, что туда тебе ехать не стоит. Но все равно поедешь, чтобы понять это еще раз. Знаешь, что будешь страдать, но и пальцем не пошевелишь, чтобы этого избежать! Сам не понимаешь, почему так будет, но будет именно так. Не нужны никакие планы, ты просто знаешь, что случится в эти месяцы.

А Баба Яга против!

Она против даже такого жесткого варианта. Она еще хочет, чтобы ты сам или кто-нибудь покопался в твоём прошлом. Ведь так интересно знать, что ты там натворил, каких ошибок наделал. Чтобы ты проснулся ночью и увидел список вопросов, на которые не хочется отвечать.

Прошлое повиснет серой тучей, будущее задавит неотвратимой глыбой. Утром ты уже не будешь открывать окна, а как все люди, которые живут, а не витают в облаках, будешь сидеть с постной физиономией, смотреть на серый дождь и думать о блохах твоей кошки. И завтра, которое превратится следующим утром в сегодня, тоже будешь сидеть у окна, думать про дождь, про совершенные глупости и про ошибки, которые неизбежно совершишь.

А Баба Яга опять будет против!

Потому что есть еще много способов пострадать. Например, начать завидовать, ревновать, думать о чужом мнении...

А что, если посадить Бабу Ягу на лопату и...

Смотрю я на три месяца вперед и вижу, что не одна Баба Яга живет на свете. Всех на лопаты не посадишь. Надо как-то самим во всем разбираться и быть счастливыми даже, когда Баба Яга топит свою печь.

Однажды мы всей лабораторией переезжали из Филадельфии в Миннеаполис. Ко мне подошла наша китаянка и сказала, что она теперь знает, что такое счастье. «Что это?» – спросил я заинтригованный. «Это когда все твои вещи помещаются под столом!» – сказала она и показала на мой чемодан и коробку.

Однажды Лариса из нашего класса сказала, что математика мешает ей быть счастливой. «А что значит быть счастливой?» – спросил ее математик. «Это когда ты целый день смеешься!» – объяснила ему Лариса.

Однажды к нам в общежитие пришли девушки. Мы их накормили и напоили. Одна из них откинулась и томным голосом сказала, что ее делают счастливой три вещи: вкусная еда, хорошая выпивка и приятные мужчины. «А тут, – добавила она, – все вместе! Вот это и есть счастье».

Однажды дипломником я провел в лаборатории двое суток без сна и открыл новый эффект. Я радостный носился по коридорам, пока не наткнулся на нашего аспиранта. «Теперь ты понял, что такое счастье?» – спросил он. Я растерялся и пробурчал: «Вот температурную зависимость сниму и тогда буду счастливым».

Однажды я проснулся и понял, что я счастливый. С непривычки испугался, решил, что это мне приснилось, и зажмурил глаза, чтобы досмотреть сон.

На берегу

Мы потеряли интерес к громоздким вещам, ко всему, что приковывает к одному месту.

Меня спросили: «почему я не хочу купить моторную лодку?» Я сначала даже не понял вопроса. Потом понял, но пожал плечами, – ведь на ней придется плавать по одним и тем же озерам.

За последние годы мы купили только одну бумажную книгу – каталог коллекции доктора Барнса из Филадельфии. И только потому, что в Интернете все очень скупо и плохого качества.

С каждым прожитым годом все отчетливее понимаешь, что все главное у тебя в голове. Это первично.

То, что на жестком диске и на пластиковых картах – это вторично.

А остальное – на третьих ролях. Или вообще неважно. Я это понял однажды в больнице. В больнице вообще много чего понимаешь.

Конечно, есть безделушки, подаренные любимыми и родными. Конечно, есть старые фото с обломанными уголками. И письма, написанные шариковой ручкой на пожелтевшей бумаге. Конечно, есть старая тетрадка со строчками: «Я хочу счастливым самым быть, я хочу любить тебя сначала». И есть старая пепельница, которую ты помнишь с детства. И первые рисунки дочек.

Но для всего этого хватит маленького чемоданчика.

Я помню, как из Филадельфии уезжал в другой штат молодой мужчина. Уезжал из большой квартиры, заполненной очень приличной мебелью. Мы с приятелем пришли к нему, чтобы купить стол и стулья.

– Берите все даром, – сказал он.

– Почему даром? – спросили мы.

– Даром вы больше возьмете.

– А что, тебе там ничего не понадобится?

Мужчина открыл «дипломат» и показал нам четыре толстых тетради.

– Вот это понадобится, а остальное – пыль и дым!

Однажды мы ехали по Монтане и остановились в маленьком отеле. Одна ночь, но нам с женой понадобилось много вещей. Чтобы долго не думать, я стал перетаскивать из машины все наши сумки и коробки. На третьем заходе я остановился у входной двери, чтобы выкурить сигарету и перевести дух. Тут около меня притормозила машина, из нее вышла молодая девушка и пошла в отель. В руках у нее была книжка и зубная щетка.

И все!

Я посмотрел на свои сумки, вздохнул и потащил их в номер. У нас было хозяйство, которое было для нас тогда важно.

Я ничего не хочу сказать конкретного. У меня нет далеко идущих планов. И давно уже не было. Внутри есть некая линия, которой я иногда придерживаюсь. А иногда нет.

Мы стали похожи на осенних гусей, которые бродят по берегу холодного озера и поглядывают на серое небо. Но в отличие от гусей мы собираем с земли бурые листья и убираем в дом летнюю садовую мебель.

Ведь впереди длинная и холодная зима.

Любить не просто

Она всегда была готова улыбаться. Но только в ответ. Только когда видела, что я на нее смотрю правильно. Смотреть правильно – это смотреть с любовью.

А как смотреть с любовью?

Надо любить, даже когда у тебя все болит.

Надо любить, даже когда ты безумно устал.

Надо любить, даже когда у тебя одни неприятности.

И еще надо любить, когда у нее все болит.

И еще надо любить, когда она безумно устала.

И еще надо любить, когда у нее только неприятности.

И тогда тебе улыбнутся. Пройдет боль, уйдет усталость, отступят неприятности.

Об этом просто писать.

Любить не просто.

Ветер

В ветре есть что-то мистическое.

Ты сидишь под деревом с закрытыми глазами, думаешь о сущности бытия, а ветер рассказывает тебе, что творится вокруг. Ты узнаешь, что где-то рядом есть полянка, на которой стоят елки, нагретые солнцем. И на этой полянке растут высокие желтые цветы.

А на большой поляне туристы разожгли костер и обжаривают на палочках кусочки белого хлеба.

И где-то совсем рядом растут грибы. А шум ручья тут стихает потому, что он попадает в небольшое болотце.

Вот рядом прошла женщина, любящая духи, которые нравятся и тебе.

Ты открываешь глаза, пытаешься увидеть рассказчика, но он, пошумев листьями у тебя над головой, уносится дальше по своим делам.

Маленькие рассказы

Интересный собеседник

С ним было интересно. Он умел внимательно слушать, задавать вопросы, живо на все реагировать и с удовольствием рассказывать истории из своей жизни, перемежая их полуприключениями. Но его хватало на несколько дней. Потом истории и притчи начинали повторяться, он это чувствовал, нервничал, и внезапно возникшая дружба начинала давать трещину.

Мечта

Он читал книги, потом ложился на диван, закрывал глаза и представлял, что идет по многолюдной улице, на нем черный плащ с поднятым воротником, он смотрит вперед, взгляд его грустен – он знает то, чего не знают окружающие. Перед ним все расступаются, на него оглядываются, позади о нем шепчутся красивые женщины...

Тут он встряхивал головой и шел на кухню пить чай с сушками.

Ночью

Луна в разрыве облаков. Серый свет на дорожке парка. Черные тени кустов. Он идет по аллее и думает, что день подходит к концу, но пока им не сделано ни одного доброго дела.

Вдруг – шорох и крик о помощи.

Он бесстрашно раздвигает ветки сирени и видит, как на небольшой полянке мужчина в черном пытается закрыть чемодан, наполненный пачками долларов.

– Надави коленом! – хрипит мужчина.

Наш герой бесстрашно надавливает двумя коленями, молния делает «вжик», чемодан закрывается.

– Спасибо, друг! – говорит мужчина, вытирая пот со лба.

– Не за что! – говорит он и продолжает свой путь, радуясь, что успел сделать добро в этот день.

Математика

Серый день в Санкт-Петербурге. По набережной идет пожилой профессор, специалист по уравнениям Фредгольма первого рода. Рядом идет его аспирантка Маша. Она юна, красива, чиста, от нее всегда пахнет хорошим мужским одеколоном.

Профессор молчит, он уже не первый год мучается, что неправильно живет, что его работа никому не нужна, что он устал от холостяцкого быта, что его годы подходят к концу и надо что-то решать прямо сейчас, пока еще есть немного времени.

Накрапывает мелкий дождь, Маша наступает в лужу своими красными туфлями и с ужасом смотрит на появившиеся грязные разводы. Она ставит ножку на гранитный парапет и вынимает бумажную салфетку.

– Помогите мне! – просит она.

Профессор начинает вытирать туфлю, его взгляд перемещается на Машину ножку, на ее обнажившееся бедро, такое красивое, такое влекущее... И тут он понимает!

– Маша, – говорит он. – Я всю жизнь делал не то, что хотел. Вернее, я не знал, чего я хочу. А теперь...

– Что? – спрашивает Маша срывающимся голосом.

– Я понял, что не надо было заниматься уравнениями Фредгольма первого рода. Надо было с самого начала начать решать уравнения второго рода!

Сан Саныч

Желтые цветы

Однажды Сан Саныч написал роман и стал ходить по Тверской в поисках женщины в черном пальто и с желтыми цветами в руках. В один весенний день его поиски увенчались успехом.

– Мне не нравятся ваши цветы! – сказал Сан Саныч.

– А мне нравятся, – сказала женщина и ушла.

Дождь

Однажды, когда в городе шел дождь, Сан Саныч пошел за хлебом в ближайший магазин. Ему не нужен был хлеб. Ему хотелось потом вернуться домой, чтобы целый вечер заниматься сушкой одежды и вытиранием обуви.

Лимон

Однажды в соседней с Сан Санычевой квартире появилась одинокая соседка. Сан Саныч долго думал, как с ней познакомиться. Он написал письмо, потом порвал его, решительно подошел к ее двери и нажал на кнопку звонка.

– У вас нет лимона? – спросил он.

– Нет, – сказала соседка, разглядывая Сан Саныча. – Но у меня есть клубничное варенье, и я вас приглашаю на чай.

– Варенья мне не надо! – сказал Сан Саныч и ушел к себе.

Рыбалка

Однажды Сан Саныча взяли на рыбалку. Его посадили на маленький складной стульчик, дали удочку и сказали, чтобы он сидел тихо и смотрел на поплавок.

Сан Саныч долго смотрел на поплавок, пока не кончился день.

– Рыбалка окончена! – сказали ему, и все стали собираться домой.

Вешалка

Однажды Сан Саныч купил вешалку. Он прибил ее в коридоре, а потом долго вешал на нее все свои пальто и куртки. В одну ночь вешалка оторвалась от стены и упала на пол. От шума Сан Саныч проснулся и до утра вспоминал, где висели его куртки и пальто, пока не было этой вешалки.

Яичница

Каждое утро Сан Саныч готовил себе яичницу-глазунью из двух яиц.

– Так не годится, – однажды сказал Сан Саныч. – Надо что-то менять в моей жизни!

И в это утро он пожарил яичницу из трех яиц.

Гантели

Однажды Сан Саныч разделся, подошел к зеркалу, и то, что он увидел, ему не понравилось. Он оделся, поехал в магазин и купил гантели. Занимался с ними он два дня, но зато потом он никогда не подходил раздетым к зеркалу.

Икра

Однажды Сан Саныч пришел в магазин и стал спрашивать, сколько стоит черная икра.

– Вы пришли просто поговорить? – спросила его продавщица.

– А я, может, куплю! – сказал Сан Саныч.

– Кто может, тот сразу покупает, – сказала продавщица.
Сан Саныч обиделся и перестал ходить в этот магазин.

Выигрыш

Однажды Сан Саныч выиграл в лотерею миллион. Но он никогда не узнал об этом, потому, как выигрышный билет был потерян на следующий день после покупки.

Любовь

Однажды Сан Саныч включил телевизор и влюбился в ведущую одной из телепередач. Он долго думал, что ему делать с этим чувством: написать письмо на телевидение, узнать домашний адрес ведущей и попытаться встретить ее около подъезда? Наконец, он решился – посмотрел программу передач и решил никогда не включать телевизор, когда его любовь появляется на экране.

Блог

Однажды Сан Саныч купил компьютер и начал вести блог. В первой записи он написал, что у него ничего не происходит и что сегодняшний день очень похож на вчерашний. Потом подумал и написал, что и вчерашний день очень похож на сегодняшний. А сегодняшний день так похож на вчерашний, что и говорить тут не о чем... Тут он понял, что ему никогда не выбраться из этих предложений и перестал вести блог.

У врача

Однажды у Сан Саныча заболела голова и он пошел к врачу.
– А сколько вам лет? – спросил врач.
Сан Саныч подумал и сказал правду.
– Так что вы хотите! – возмутился врач. – Даже Пушкин в ваши годы уже давно умер!

Ботинки

Однажды Сан Саныч покупал зимние ботинки. Он никак не мог решить, какие ему покупать: со шнурками или на липучках. Он спросил совета у продавца.
– Нагнитесь вперед и коснитесь пальцами пола, – попросил его продавец.
Сан Саныч нагнулся, но, как ни старался, до пола дотянуться не сумел.
– Не нужны вам ботинки, – сказал продавец. – Вы их надеть не сумеете.

Подарок

Однажды Сан Саныч собрался на день рождения к знакомому и зашел в магазин за подарком.
– Купите ему французский одеколон, – посоветовала продавщица. – Вещь компактная и ценная.
– Так у него борода, и он не бреется, – сказал Сан Саныч.
– Ну и что, – сказала продавщица. – Бороду тоже можно одеколоном опрыскивать.
– Может лучше галстук? – спросил Сан Саныч.
– Зачем ему галстук, если у него есть борода? – удивилась продавщица.
Поразился Сан Саныч женской мудрости и купил одеколон.

В маршрутном такси

Однажды Сан Саныч ехал в маршрутном такси, где почти все входящие хлопали дверью.
– Не хлопайте дверью! – говорил каждому шофер.

– Вам надо говорить это до того, как люди начали закрывать дверь, – подсказал ему Сан Саныч.

Шофер подумал и сказал:

– А как я узнаю заранее, собирается он хлопнуть дверью или нет?

Тут Сан Саныч задумался. Да так, что проехал свою остановку.

В одну строчку

Осеннему листу так мало дней осталось.

Ты не грусти, ведь я почти ушел.

Смотреться в зеркало? Но только не при свете!

Я не забыл, я помнить не хочу.

Исправен телефон, но я не верю в это!

Писать тебе? Я все тебе пишу!

Читаешь между строк? Но там писал не я.

Я жду звонка, часы остановились.

Так счастлив я, но в строки грусть пролезла.

Встречать восход все легче с каждым годом.

Ты рядом, все часы спешат синхронно.

Уходишь ты... а я пойду с тобою?

Уж старость близится, а мудрости все нет.

Какой наряд! Ах, да... Какая ты сегодня!

Прости скорей, а то я тороплюсь!

Погоду знаю я, о ней мне говорили.

О галопе сферического коня в вакууме

В ночь полнолуния, да и во всякое другое время, когда тихо и тревожно, в голову залетают гениальные мысли. Нет, не те, о которых говорил мне друг, убежденный, что в секретной лаборатории Гугла решают проблему виртуального бессмертия. Такие мелкие проблемы я давно решил. Другое, величественное и одурманивающее, лезет в голову, терзает душу и мешает пропылесосить комнату.

Помните сцену пожара в фильме «Жертвоприношение»? Или последние кадры в фильме «Трудно быть богом»? Если не помните, то вам повезло. А вот в моей памяти они словно отлиты в бронзе, и она всегда услужливо готова представить все детали этих кадров. И еще этот дьявольский «Черный квадрат» Малевича. И синие стены «Спальни» Ван Гога. И зеленое небо в «Зимней охоте» Брейгеля.

Ничего лишнего, – вот, что объединяет эти кадры и картины. И еще сводящая с ума законченность.

И эта невозмутимая круглая луна. Она такая совершенная. Пусть на миг, но в этом миге она прекрасна.

Вы знаете, от чего страдают физики? Помимо любви и головной боли они страдают от несовершенства нашего мира. Я не о политике, о ней читайте в другом месте. Физики страдают от невозможности написать совершенное уравнение, которое выделит то главное, что, наконец, опишет этот мир. И чтобы там не было ничего лишнего.

Есть миф, что из физиков получаются хорошие инженеры. Это не так. Когда физика просят подумать над электрической цепью, то он пишет $ax'' + bx' + cx + d = 0$ и говорит, что задача решена. А если физика попросят описать движение космического корабля, то он сходу пишет $M/m = \exp(v/u)$ и удивляется, что от него хотят еще чего-то.

А как же сопротивление воздуха, ветер, неправильная подача топлива в камеры сгорания? Физик вздыхает, страдает от несовершенства вселенной и начинает исписывать формулами пачки бумаги.

Если физик стал аналитиком, то его страдания утраиваются. Сотни таблиц, миллиарды чисел, терабайты текстов. Где те волшебные формулы, которые наведут порядок в этом хаосе? Где лаконизм Тарковского и Ван Гога? Где уравнения, описывающие галоп сферического коня в вакууме?

А если физика занесло в биологию, то уже через неделю он начинает безоговорочно верить в Создателя. Он не понимает, как эволюция могла сотворить рибосому, которая считывает информацию из ДНК и синтезирует белки, согласно ее кодам.

И тогда вечером, когда над морем восходит совершенная круглая луна, ему в голову приходит крамольная мысль, что физика с математикой не являются царицами наук. И не единицами с нулями описывается наш сумасшедший мир. И гармония чисел не есть гармония вселенной.

А что взамен? Что-то туманное, где нет уравнений, а есть чувства. Где не работает логика Аристотеля, где сумма $2 + 2$ зависит от стука капель дождя, падающих на подоконник. Где красота и совершенство важнее, чем уравнения Ньютона. Где нет энтропии, а есть беспорядок, с которым надо бороться.

Вот с такими мыслями физик берет пылесос и вспоминает, в каком углу комнаты находится розетка.

Немного лирики

Чтобы стать храбрым, надо сначала испугаться.
Чтобы почувствовать радость жизни, надо сначала пострадать.
А что делать, чтобы по-настоящему полюбить?
Пройти через разочарования, боль, обиды?
Или достаточно длинной череды никчемных, незапомнившихся дней?

Чтобы разочароваться, надо сначала стать очарованным.
Чтобы разлюбить, надо сначала полюбить.
Разочароваться, разлюбить... Зачем тебе это?
Даже если от тебя ушли.
Вот так просто: скрипнула дверь, стихли шаги, ты теперь один.
Но ведь чувство никуда не ушло. Оно как будто ненужное теперь, но не спеши его выбрасывать.

У других и такого нет. Ни нужного, ни ненужного.

Ночью ветер шуршал сухими листьями и стучал ветками в окно.
Потом ветер улетел, его сменила тишина.
Приплыли тучи. Они спрятали луну, замедлили время.
Долго-долго ничего не происходило.
А потом наступило утро с серым небом и белой землей.
Ты не слышал, как перед рассветом падал снег.
Ты ждал, когда снова скрипнет дверь.

После покорения вершины

– Я помню, что ты не хотел лететь на Марс. Тебя устраивало общение с роботом, который бы выполнял твои команды и передавал ощущения полного присутствия. Может и на Земле нас исследуют инопланетные роботы.

– Возможно, но это временно. Потом уйдут и роботы. Везде одно и то же. У нас в Галактике атомы водорода, кислорода, азота... И у роботов из другой Галактики также. Ничего нового у нас они не узнают и будут заниматься своими планетами. Я тебе рассказывал историю о моем покорении вершины?

– Расскажи.

– Жил я тогда в Грузии и очень хотел залезть на огромную гору. И залез! Полдня карабкался по скалам.

– А потом встал в красивую позу и как Мефистофель стал смотреть в голубую даль?

– Нет, я стал искать место, где можно было бы стоять, не наступив на коровьи какашки! С другой стороны вершины был пологий травянистый склон, где паслись коровы.

– Вот это облом! И ты решил завязать с альпинизмом?

– Да, я понял, что коров я могу посмотреть и в долине. Так и роботы инопланетян. Полетают, посмотрят на коров и вернуться к себе.

Крыши

Чтобы я сейчас ни пытался написать, получается про политику или экономику. Даже сказка про зайцев получилась о международном положении, и ее пришлось отложить. Мои записи не для этого. В мире и без меня хватает экспертов по политике, истории, экономике и военному искусству. Такое чувство, что я один необученный остался. Остальные видят не только верхушку айсберга, но и те 90%, что скрыты под водой. Всем понятно «кому выгодно», а мне – нет. Я просто диву даюсь, где всему этому учат, что за курс я прогулял в свои золотые годы и над чем не ломал голову в серебряные?

Я тогда встретился со знакомым марсианином, чтобы расспросить, что было, есть и будет.

– Ха, – сказал марсианин, – мы все это уже проходили. Были у нас южные марсиане, северные, западные и восточные. И хотели эти марсиане жить счастливо, но вот воды на всех не хватало. Началась заварушка. Все собачились, воевали, мирились, угрожали, снова воевали – все, кроме восточных марсиан. Они уговаривали южных, северных и западных не ссориться, старались быть всем друзьями, а между делом строили у себя водохранилища и покупали по дешевке воду у всех остальных сторон. Вот они-то и вышли победителями.

– И что делать? – спросил я у марсианина.

– Крыши надо ремонтировать! – ответил марсианин.

Что он имел ввиду? Сижу, думаю.

Не торопись!

За желание жить расплачиваемся старостью.

За желание знать – лишними страданиями.

За желание любить – бессонными ночами.

За желание отдать – чужими упреками.

За желания спокойствия – серыми днями.

За отсутствие желаний – окончанием жизни.

Ты хочешь побродить по марсианским пустыням?

Ты хочешь посидеть на вершинах потухших вулканов?

Ты хочешь потрогать голубой марсианский лед?

Не торопись!

Ты еще не наслаждался скромными цветами земного июньского луга.

Старое и новое

В Вероне есть мост Понте Пиетре, построенный еще римлянами. Когда смотришь на его каменные арки, то кажется, что скорее весь город разрушится, чем этот мост через реку Адидже.

– Ха! – сказали немцы при отступлении в 1945 году. – Нет таких крепостей, которые... И мост был взорван.

Потом восстановлен. Кажется, что он простоит еще две тысячи лет, если, конечно, не придут умельцы с динамитом.

– Глупости все это! – сказали американцы. – Кто из нас собирается прожить две тысячи лет? Если строить жилые дома, то главное, чтобы квартиры были дешевыми, теплыми, светлыми и просторными. И чтобы было место для парковки автомобилей.

А сколько простоит такой дом? Лет сто простоит и хватит. Вот посмотрите на дома столетней давности. Ну кто захочет там жить? Все надо переделывать.

Мой друг покупал такой дом. На цокольном этаже стояла чугунная отопительная система размером с небольшой грузовик. Рядом с ней газовая печка размером с холодильник, которая прекрасно справлялась с миннесотскими морозами до -40 градусов.

– Как выкинуть этого чугунного монстра? – спросил друг у агента.

– Цена вопроса несколько тысяч долларов, – пояснил агент. – На эту сумму уже уменьшена стоимость дома.

– А как насчет центрального кондиционирования?

– Это дело вкуса, – сказал агент. – У вас в каждой комнате потолочные вентиляторы, что много экономнее кондиционеров.

– А два столетних вяза перед домом? – не унимался друг. – Небольшой ураган, и нам конец!

– Зато красиво, – парировал агент. – Пригласите художника, и он напишет картину «Дом под вязами».

– Может лучше назвать картину «Дом около вязов»? – забеспокоился друг.

– Отличная идея! – сказал агент. – Скидываю еще две тысячи и начинаем оформлять бумаги.

В центре Миннеаполиса стоят двенадцать башенных кранов – строятся новые дома. Сначала сломали кирпичные постройки 19-го века, затем выкопали котлован, забили сваи и начали сооружать каркас из толстых железных балок. Балки ржавые и некрасивые. Потом они закрываются темными стеклами, пластиком и алюминием. Простоит такой небоскреб лет сто и хватит. Он устареет, его сломают. Так недавно сломали огромный крытый стадион, чтобы сделать новый – еще больше и удобнее. С огромной парковкой под землей.

Однажды в Москве мы переехали в большой «сталинский» дом на берегу Москва-реки. Ночью под окнами плыли грузовые баржи, заполняя квартиру низким тяжелым гулом. По длинному коридору можно было кататься на велосипеде, слегка подпрыгивая на выбоинах темного дубового паркета. Электрические провода, свитые в красивые косички, тянулись по стенам от ролика к ролику. Черные канализационные трубы украшали угол кухни. В деревянных перекрытиях кипела жизнь. Там по ночам шуршали мыши и еще какие-то неизвестные науке животные.

Однажды в дом пришли мастера. Они спрятали электропроводку в стены, сменили и замаскировали трубы, положили на старый паркет новый и собрались уходить.

– А что делать с перекрытиями? – спросил я. – Чем мне кормить мышей?

– Ломать надо этот дом, – сказал главный мастер. – Только место занимает.

А может так и надо? Ломать и не жалеть. Смотреть вперед, думать о будущем. Или об удобном настоящем. Чтобы было дешево, удобно, просторно и светло. Ведь мы без сожаления выкидываем старые компьютеры, телефоны, машины, холодильники, телевизоры, одежду. Много ли мы сейчас можем взять в свои квартиры вещей наших бабушек и дедушек? Мы такие ускоренные, подгоняемые прогрессом и постоянной неудовлетворенностью. Можно, конечно, построить домик в лесу и по утрам ставить в русскую печь чугунок с картошкой. И раз в неделю топить баньку, подготавливая к этому маленькому празднику холодный квас и березовые веники.

Да, можно. Если вам наплевать, что творится на шумной дороге, где идут все остальные. А тем, остальным, некогда по утрам растапливать печку и строить мосты, рассчитанные на две тысячи лет. Они придут и возведут дома, которых им хватит на всю жизнь. А их дети сломают эти дома и построят новые. Еще удобнее, светлее и уютнее.

В толпе

Кто-то обожает быть в толпе.

Ты идешь, меняются встречные лица, ты ловишь мимолетные взгляды, посылаешь ответные импульсы интереса, ты доволен собой, ты герой, толпа тебя любит.

А кто-то заболевает после толчеи и суматохи. Чужие взгляды раздражают, кажется, что идет постоянная оценка – кто ты, откуда, сколько стоишь, можешь ли давать тепло?

Ты пытаешься ставить стенку между собой и толпой, но она легко разрушается прикосновениями чужих тел, слишком наглыми или насупленными взглядами.

А можно идти по улице и не видеть толпы. Тебе она неинтересна. У тебя свой внутренний мир, где живут хорошие, любимые тобой люди. Им всегда можно позвонить и услышать теплые слова. Или сказать им что-то хорошее.

И ты не видишь неприязненных взглядов, усталых лиц, напряжения и раздражения. Не нужно ставить никаких стенок между собой и другими прохожими. Ты просто купаешься в своей маленькой радости, что ты не один в этом огромном городе, которому до тебя нет никакого дела. И волны этой радости хранят тебя.

Но случаются особые дни, когда ты просто идешь по городу и улыбаешься. Улица за улицей, площади, проспекты, подземные переходы, скверы. А ты ничего не видишь, просто идешь километр за километром.

Вот и конец города уже близок. Ты не понимаешь, куда зашел. Но тебе все равно. Ты садишься на лавочку и улыбаешься уходящему солнцу.

Как мало у нас таких дней! И как хорошо быть глупым, сидеть на лавочке и улыбаться. Завтра ты наденешь маску делового человека. Или кого-то, кто замечает проблемы и не видит способа их решения. Или того, кто знает все наперед. Знает, что все проходит.

Но это будет завтра. А пока светит солнце, надо улыбаться и думать о счастье. Которое, конечно, тоже пройдет, но сейчас оно еще есть.

Пока не село солнце.

Уехать

Артист Петр Мамонов уехал жить под Верею. Даже слава после фильма «Остров» не заставила его вернуться в Москву. От натуральности хозяйства Мамонов тащится до сих пор. Грибы – из соседнего леса, рыба – из местной речки, картошка – со своей грядки. Эту натуральность Мамонов распространил и на область духовную: «Захотел книжку почитать – сам написал себе, музыку послушать – сам песню сочинил, кино посмотреть – сам снял, в плеер засунул и смотрю. Ломовой кайф! Ломовой!»

Нет, Петр не отшельник. Мамонов дает концерты и гастролирует. Убежавшие из большого города не теряют с ним связь. Большие города как женщины. Они притягивают и отталкивают одновременно. Если ты живешь в большом городе, то устаешь от толчеи, незнакомых лиц, сизого смога, пробок на дорогах, раздражения, висящего в воздухе, усталого равнодушия, внезапно вспыхивающего хамства.

Кажется, что настоящая жизнь происходит в загородном доме, где по утрам во дворе на заснеженных ветках сидят яркие снегири, где видно, как восходит солнце, где вечером приходит тишина с далеким шумом электричек.

Но если ты живешь где-то за высокими горами, где знаешь, кого ты встретишь утром по дороге на работу и вечером в магазине, где интернет – единственная ниточка, соединяющая тебя с большим миром... Наверное, тебе хочется однажды проснуться от шума первых трамваев, пройти по широкой улице, где так много новых лиц, где красивые витрины, уютные кафе, где торжественная тишина музеев и где нарядные люди заполняют залы театров.

– Как хочется побыть в тишине, посмотреть, как утром просыпается природа, подумать о прошедшем и записать все мысли, которые придут тебе в голову! – сказал один писатель и с ненавистью посмотрел на телефон, готовый вот-вот зазвонить.

– О чем тут писать! – жалуется другой писатель, сидящий в тишине в окружении природы. – Ну сколько можно описывать капли росы и утренний туман над озером!

– Надо жить на природе, а работать в городе, – говорят одни.

– Спасибо, мы не хотим два или три часа добираться до работы, – говорят другие.

– Надо работать из дома, – говорят третьи.

– Озвереешь от одиночества, – говорят четвертые.

Автор не знает ответа, Он жил на шумном проспекте большого города, в тишине небольшой деревни, он работал из дома, он знает, что такое одиночество, он знает, как устаешь от незнакомых равнодушных лиц, как начинают быстро лететь годы, когда вокруг ничего не меняется.

Но автор понял, что это не главное. Не так важно, где ты живешь. Не так важно, кого ты встретишь на улице. Важно, чтобы тебя ждали там, где ты живешь.

И еще важно, чтобы ты был способен каждый день увидеть новое.

– Нууу... – скажет читатель. – Опять автор затянул песню, что надо шире открывать глаза. А что можно увидеть нового, если каждый день дом – работа – магазин – дом. И не надо про апельсины на снегу. Это не каждый день, да и апельсины приедаются.

Да, видеть новое – это работа. Это так же сложно, как долго быть интересным другим людям. Ведь мы интересны тогда, когда можем посмотреть другими глазами на обычное. И так каждый день.

Конечно, проще поужинать и сесть у окна. Или у экрана компьютера, разглядывая чужие лица и читая чужие слова. И при этом чего-то ждать.

Вот только часы и календарь такие безжалостные.

Новая жизнь

Этот странный психологический этюд не имеет никакого отношения к автору. Это про тех, кто сидит и смотрит, как растет трава.

Новая жизнь – новая работа, новая семья, новая болезнь, новый дом, новый город, новая страна. И каждый раз страшно. Все в муках, все через силу.

Потом привыкаешь, вроде ничего, вроде так и надо было. И можно жить дальше.

Обвыкся, обтерся, обзавелся... Начал смотреть вперед. И все меньше оглядываешься назад. Вроде, теперь ты другой человек, с другими проблемами. И проблемы решаются.

И каждый день восходит солнце, и все ярче голубое небо. И пахнет сосновыми стружками, теплым хлебом, талой водой.

Но потом приходит прошлое. Сначала по ночам, когда тихо. Потом днем, когда один. Через вещи, через письма, через фото. Или, когда ты смотришь, как растет трава, и понимаешь, что она так же росла много лет назад. И будет расти потом.

И однажды приходит он: «Привет, а вот и я!»

Такой молодой и задорный. Но со всеми комплексами и проблемами. Пришел из прошлого. Из твоего прошлого. Для начала просто поведать. Вдруг ты заелся в новой жизни и забыл, что такое идти по грязной дороге, засасывающей сапоги.

«Ага, – скажет читатель. – От себя не убежишь!»

Да, конечно... и Волга все еще впадает в Каспийское море.

И «жи» -«ши» пишут через «и».

А после молнии гремит гром.

Да ты и не убегал. Тот, из прошлой жизни, всегда был рядом. Он просто долго сидел в темном углу и молчал. Но ты всегда ощущал его взгляд. Когда ты начинал жить по-новому – он насуплено смотрел. Трудности ты преодолевал сам, но стоило тебе забыться, замечаться, это ему начинало не нравиться.

– Ты что, всё забыл?

– Не хочу помнить! Я даже не хочу помнить, как все начиналось – это еще хуже. Зачем ты пришел?

– Без меня ты не поймешь настоящего и не увидишь очевидного будущего.

– Я не хочу видеть очевидное будущее, я хочу жить простым настоящим. Просто жить, без понимания.

Тогда он уходит. Вместе с твоими воспоминаниями. И ты снова смотришь, как растет трава, как ветер качает ветви, как дым стелется над землей. И ждешь его... Ведь он обязательно вернется. Он ведь понимает настоящее и видит очевидное будущее, куда тебе одному страшно заглядывать.

А без него суета, пролетающие бессмысленные дни, длинные, бессонные ночи и серые восходы за колышущейся занавеской.

Вот смысл этого и надо понять.

Сложно построить дом

Сложно построить дом. И легко его разрушить.

Так я думал, когда шел по улице 11 сентября 2001 года и смотрел на рабочих, строящих высотное здание. Мысль неглубокая, но тогда она меня потрясла.

Читаю историю Франции. Разрушить город, вырезать всех жителей – это запросто! В середине 19-го века при подавлении восстания в Париже генерал Бюжо приказал перебить всех жильцов одного дома, из которого раздалось несколько выстрелов. И перебили!

Кто-то собирает камни, кто-то разбрасывает. Кто-то рожает, кто-то убивает.

Вот ты строишь башню, все в нее вложил: силы, ум, время, чувства. Но пришел Мальчиш-Плохиш и ногой все сравнял с землей. И ты начинаешь все сначала. Уже в другом месте. И сколько тебе башен суждено построить – никто не знает.

Но пока ты их строишь, ты веришь и живешь. И неважно, сколько ты будешь строить эту новую башню и успеешь ли. Цветы, распускаясь весной, не думают об осени. И только поэтому они радуют нас. И ты будешь строить, не думая о грустном.

А как жить иначе?

Медицинское

Есть три способа лечиться:

1. Не обращать на болезнь внимания.
2. Пить лекарства.
3. Кому-нибудь пожаловаться.

Помните старые шутки?

- Если после пятидесяти ты проснулся и у тебя ничего не болит, то ты умер.
- После пятидесяти ты здоров, если каждое утро у тебя болит в другом месте.
- А ведь бывает состояние, что утром ты радуешься, что у тебя НЕ БОЛИТ что-то другое.

- Вам надо пройти серьезное обследование.
- Доктор, вы что-то подозреваете?
- Я много чего подозреваю, но главное, мне жалко потраченное вами время.
- ?
- Глупо быть здоровым и ходить к врачу.

- Почему ты не пьешь лекарства?
- Боюсь побочных эффектов.
- Каких?
- Любых. Сейчас мне лечиться не от чего, а после лекарств я буду лечиться от этих эффектов.

- Что ты мне жалуешься? Я же не врач.
- Потому и жалуюсь. Врач бы меня сразу лечить начал, а для этого у меня здоровья не хватает.

- Ты веришь в народную медицину?
- Конечно! Знаю, что чеснок с медом и лимоном – это лучшее средство для продления жизни. И еще водолечение: три капли воды на стакан водки – это вылечивает всё, кроме цирроза печени.
- А как же лекарственные травы?
- Тут я специалист! У нас были совместные работы с ВИЛАРом (Институт лекарственных и ароматических растений). Там ребята прекрасные спиртовые настойки готовили!
- Помогало?
- Немного. Они ведьму искали. Без ведьмы эти настойки нужной силы не имели.

В одну строчку

Так много было общего сначала.

В моих словах искала ты причину.

Уходишь? Уходи, но не стирай мой номер.

Уже не нужен даже на запчасти.

Запутался от лишней доброты.

Не уставай хвалить, чтобы не стать врагами.

А мне любить ты запретить не можешь.

Мой город, что меня уже не помнит.

Готова ль ты встречать чужую старость?

И пережить меня становится все проще.

Какое утро, ты опять проснулся!

И юмор с каждым годом все грустнее.

Тот, кто внутри, твой лучший собеседник.

Пуškai не любят, лишь бы замечали.

И каждый день становится все тише.

Уйти легко, труднее не вернуться.

Чистюля я. Сорить уже нет силы.

Все чаще становлюсь я джентльменом.

Удобный, а не умный и красивый.

Прости меня, что вел себя прилично.

Соленый помидор уж стал запретным плодом.

Ты ждешь звонка? Желанья совпадают.

Похмелье наступило до застолья.

А пишет он, следов не оставляя.

Теперь не путаю романтику с желаньем.

О сколько мыслей! Жаль, что все чужие.

Ты так хорош, пока ты виртуальный!

Забыл очки – и женщины моложе.

Ты понял жизнь? Сочувствую безмерно.

Мечты возможны лишь без денег.

Не спать ночами уж не так приятно.

Как страшно жить, когда достигнешь цели.

Свеча, вино... ты захрапеть боишься.

Он не влюблен, он хочет быть счастливым.

Диалоги

Показываю жене, как работает на телефоне запись с голоса.

– Продуктуй, например, список покупок.

– Легко! Норковая шуба, кольцо с бриллиантом, новый «Лексус».

И эта электронная зараза все записала без единой ошибки!

Друг-физик рассказывает новости корпорации.

– Есть новость. Она хорошая и плохая. Проект, над которым мы работали два месяца, закрыли. Это плохо, ведь мы супер-результаты получили.

– А что в этой новости хорошего?

– Так нам в это время зарплату платили!

– Гуси и гусыни абсолютно одинаковые. Как гусята различают, где папа, а где мама?

– Кто первый начал командовать, тот и мама.

– Много знаний – печаль. Мало знаний – беда. А что посредине?

– Печальная беда.

В поезде спрашиваю у проводницы:

– Можно мне стакан чая?

– Я собралась мыть туалет. Что для вас важнее – чай или туалет?

– Сначала важнее чай.

Тире между датами

Привыкаешь, что надо работать.

– Ты это... помедленнее, а то жизнь пройдет мимо.

А как помедленнее? Завтра нужно закончить одно, второе. А третье надо было закончить неделю назад. И еще папки в компьютере дразнят светофорным цветом «приготовиться».

Пролетела неделя. Главное было – выполнить обещания. Остальное – потом.

– А ты не обещай!

– А если язык живет своей жизнью?

– Когда придет время оглянуться, будешь жалеть.

– Жалеть не буду. Если жил, то умереть нельзя. Мои годы останутся в четырехмерном пространстве X, Y, Z и время. Для кого-то время пойдет дальше, а мое застынет между двумя датами на памятнике. Где тире. Там я и буду жить. Не такое уж это тире плохое. Там много чего было, не только выполнение обещаний и работа. И любовь никуда не уходит. Она тоже застывает в своем тире. Да и кто сказал, что время не вернется? Все, что уходит, потом возвращается: солнце, весна, листья, ласточки. Иногда даже женщины возвращаются.

– Они приходят другими.

– Я не против.

– Но это противоречит физике. Я не про женщин, я о тире и ласточках.

– Какой физике? Той, что в школе учили?

– Царя Соломона вспомнил? «И возвращается ветер на круги свои».

– Книга Екклесиаста не хуже учебника по физике. Сто лет назад мы узнали, что время течёт по-разному в разных местах. Через сто лет мы узнаем то, что сейчас и вообразить не можем. Так что Екклесиаст как-то надежнее.

– Но ведь «суета сует – всё суета». Это я о делах.

– Да, «нет от них пользы под солнцем!» Но всё не так безнадежно, ведь «нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими». Даже бесполезными под солнцем.

– Это ты о забытых папках в компьютере?

– И о них тоже. Надо успеть насладиться. Ибо «кто приведет его посмотреть на то, что будет после него».

Необратимость и «мужественность»

Стругацкие учили нас, что нельзя совершать необратимые поступки. Или быть готовым, что за них придется платить высокую цену.

Рок-музыкант Мик Джаггер сформулировал немного по-другому: ты можешь позволить себе зайти настолько далеко, насколько сможешь вернуться обратно.

Вроде неоспоримая мудрость? Для ловеласа это означает, что можно гулять, пока перед тобой жена не захлопнула дверь родного дома, а потом сменила замок. Для манипулятора сие значит, что можно издеваться над человеком, пока он терпит и принимает извинения. Для алкоголика граница необратимости наступает где-то с началом цирроза печени.

Однако, все не так просто. Полностью обратимых поступков нет. Ты сделал шаг, наступил на песок, вернулся обратно, а след остался. Да, его заметет ветер, и внешне будет тот же нетронутый песок. Тот, да не тот. И барханчик образуется другой, и камешек ляжет не на ту сторону.

Ляпнул лишнее, извинился, улыбнулся – мир-дружба, шампанское рекой, над городом салют. Но наш чертов мозг ничего не забывает. Что-то замазывается хмельным салютом, но, когда нужно и ненужно, всплывает. И складывается на полку, над которой нарисован жирный знак минус. Потом, когда скопится много минусов, полка рухнет. Необратимо.

Нууу, скажете вы. Это все понятно, зачем столько красивых слов об избитых истинах? Переход количества в качество – такую диалектику мы еще в школе изучали. Что нового тут можно добавить? Кстати, из этих словес легко сделать приятный вывод: по чуть-чуть можно все перепробовать. Главное, чтобы полки с минусами не обваливались.

Вот тут и будет немного нового. Ты думаешь о полках других людей, а незаметно накапливаешь минусы на своей полке. Один минус, другой, десятый – и ты уже другой. Твоя полка нагружена, трещит и скоро рухнет. Действие равно противодействию – это мы тоже в школе изучали. Изменил другого – изменился сам. У другого минус, и у тебя минус. Ты может и не чувствуешь этого. Так на войне или на охоте бывает. Сначала тяжело нажать на курок, потом привыкаешь. А все потому, что стал другим. Рухнула твоя полка, а ты не заметил. Вроде бы руки, ноги, голова такие же, да не совсем. Железнее ты стал. Хочешь назвать это мужественнее? Назови. Ребенка из горящего дома ты спасешь, а что чувствуют другие, можешь не заметить. Или не захочешь заметить. Не так просто вернуться в себя прежнего. Того, кто еще не нажимал на курок.

Опять падает снег

Опять падает снег,
а в памяти звучит «Tombe la neige».
Старая песня, ты ее всегда будешь помнить.
И еще ты помнишь глаза,
Зовущие, откликающиеся на твой взгляд.
На ресницах таяли снежинки.
И такая ласковая улыбка.
Но все обман, тебя никто не звал.
Ты шел, а тебя не пускали.
Как в старом метро – проход свободен, а тебя по ребрам рычагами.
Ты забыл что-то сделать.
Это потом понимаешь, что именно ты забыл.
А тогда казалось, все свободно, тебя ждут.
А ждали не тебя, ты был попутчик.
Добрый, веселый, с которым не стыдно.
А главный герой где-то бродил и никак не хотел встречаться.
В тот синий вечер тоже падал снег.
А телефон молчал.
Ты не пришла. Ты больше никогда не приходила.

Лучший мир

Лейбниц сказал, что мы живем в лучшем из возможных миров. Вольтер в своем «Кандиде» попытался высмеять этот тезис, но юмор хорош в Фейсбуке, а не в споре с великим математиком.

Мы можем не любить закон Кулона, но малейшее его изменение приведет к катастрофе – мир мгновенно перестанет существовать.

Мы можем не любить соседа, смотрящего телевизор до часу ночи, но в другом мире этот сосед мог бы всю ночь заниматься чеканкой.

Мы можем не любить январские морозы, но, поверьте мне, зима на Марсе еще холоднее.

Я закончил очередной проект, результатом которого стал сложный интерактивный веб-сайт. Проверка в трех браузерах показала, что нормально он работает только в гугловском «Хроме».

– Слава Создателю! – сказал я. – Ведь если бы у него было немного другое настроение при сотворении мира, то этот сайт бы и в «Хроме» не работал!

Все побежали, и я побежал

Эволюция не всем была хороша – она замедлила прогресс. Чтобы выжить, животные, а потом люди, объединялись в группы. Так было проще обороняться или добывать пропитание. Ученые с помощью МРТ определили, что когда человек высказывает мнение отличное от мнения группы, то в мозге включаются центры, отвечающие за негативные эмоции. Гораздо приятнее кивнуть и быть как все. А новые идеи, если они не принимаются группой, могут подождать. Такими нас сделала эволюция.

Я не верю в эффективность мозгового штурма. Много раз сидел за столом, слушая мнения. Всегда побеждало то, что всех устраивало. Это было самым консервативным мнением. «Не колыхать» – если кратко. Тут есть и плюсы – завтра будет как сегодня. Взойдет солнце, мы пойдем на работу, а в пятницу получим зарплату. Можно планировать не только завтрашний день, но и летний отпуск и даже надеяться до пенсии выплатить долг по ипотеке.

Я писал о черной белке, которая не такая как другие, и которая выжила среди рыжих и серых белок только благодаря своей силе. Среди людей «другие» выживают тоже, если они сильные. Или они могут не обращать внимания на мнение группы.

Но тут засада. Быть сильным и независимым среди людей могут люди с достатком. Или полные пофигисты, которые спокойно взирают на толпу. Засада в том, что достаток и мудрость одиночества в толпе обычно приходят с годами, когда уже трудно рожать новые идеи, помогающие прогрессу. Слишком много знают эти мудрецы о том, что нельзя сделать. Сами обжигались или видели обожженных.

Какой практический вывод? Он прост. Если ты уже способен быть не таким как все, если твоя мудрость пофигизма зашкаливает, то надо работать в незнакомой тебе области. Там ты еще не знаешь, что задачи неразрешимые и тебе наплевать, что скажут профессионалы. Бери лист бумаги, зажигай свечи, окунай перо в чернильницу и вперед. Если ты не собираешься сокрушить Мироздание, то оно тебе поможет.

Комфорт и свобода

Ты – капитан океанского лайнера. Поднялся шторм. Да какой там шторм? – так, что-то плещется у бортов. GPS работает, двигатели гудят, все в норме.

Другое дело, если ты капитан маленькой парусной яхты, которая едва помещается между волнами. У капитана такой яхты из возможностей только штурвал, тросы и тренированный экипаж. Больше ограничений – больше искусства.

В стране довлеет идеология, с которой ты не согласен. Ты пишешь картину или роман, понимая, что цензура даст зеленый свет только при соблюдении правил. В рамках этих правил ты пишешь так, чтобы главное было между строк или мазков. Это искусство тем больше, чем больше ограничений.

И еще из той же серии. Программист, решающий сложную задачу на персональном компьютере, искуснее программиста, в распоряжении которого суперкомпьютер.

Дай писателю или художнику комфорт, здоровье, деньги, свободу от цензуры, женщин, хорошую погоду – что он напишет? Как он вкусно позавтракал, а потом полдня думал, чем бы еще себя позабавить?

И еще из старого: «Создай писателю идеальные условия для работы, и ему конец. Он начнет думать: а насколько идеальны эти условия? Не передвинуть ли настольную лампу, не сменить ли коврик для мышки? А может пыль вытереть с экрана, чтобы мысли выглядели отчетливее?»

Жираф в зоопарке

Привыкаешь ко всему и боишься перемен. Ники Дзюмпэй из романа Кобо Абэ «Женщина в песках» привык к своей яме и решил там остаться, когда научился добывать воду из сырого песка. Остаются в армии сверхсрочники, когда им предлагают зарплату и больше свободы. Есть заключенные, которые боятся выйти на волю. Мы опасаемся уехать из родного города, где все так привычно и знакомо.

А что чувствует жираф в зоопарке? По саванне не погуляешь, но тут нет хищников и хорошо кормят. Философская дилемма – вкусно кушать или быть на свободе?

В трамвае

Это неправда, что в трамвае ты всем безразличен.

Тебя ненавидят, если мешаешь выходу, если пересек чье-то личное пространство. Но тебе могут помочь с валидатором, подсказать остановку, могут даже уступить место, если ты стар и болен. Кто-то даже оценивающе посмотрит – может ты на что-нибудь сгодишься? Если кому-то скучно, то может завязаться разговор. Ни к чему не обязывающий.

Трамвайная правда одна – ты вышел, и про тебя забыли. Как и не было тебя. Все мы попутчики. Как в трамвае.

Погружение

Если погрузился в математическую проблему, то решение может прийти где и когда угодно: за рулем машины, во время прогулки, перед сном. И ведь помнишь об этом. Не надо доставать блокнот, чтобы записать гениальную мысль.

Беда, когда в машине думаешь над рассказом или эссе. Вроде тоже погрузился, в теме разобрался, а слова не те, предложения корявые, мысль теряется среди букв. И вот – он! Момент, когда буквы сложились в нечто читаемое и понимаемое. А тебе ехать еще полчаса. Ладно, думаешь, такое забыть нельзя – приедешь и запишешь.

Ничего ты не запишешь. Слова уходят в глубины подсознания, как и не было их. Остается только чувство, что ты не такой тупой, что можешь и это. Потом начинаешь мечтать, что подсознание все-таки твое, что совесть у него тоже твоя, что всё вернется.

Ага! Возвращается, когда рассказ уже написан и опубликован. И зачем что-то менять? Уже интерес пропал, уже новое и красивое замаячило, заманило.

А если тупик в сюжете, то это еще одна беда. Вроде загрузил проблемой все клеточки, гуляешь осторожно, чтобы ничего из мозга не расплескать, за рулем даже музыку не включаешь. Ждешь, когда озарит. Не озаряет. Хорошо, мы тогда другим путем. Выбросим все из головы, начнем чинить бачок в туалете и запекать баклажаны с сыром. Сюжет, ау? Где ты? Куда пошла Кристина, почему Марек такой инфантильный? Почему журналист не женится и не начнет собирать коллекцию турецких сабель?

В математике и физике все просто. Вывел красивую формулу, и уже счастье. А в литературе гонка за совершенством, расходящиеся тропки на каждой странице, страх перед выбором из бесконечного числа сочетаний слов. Подсознание не справляется. Оно намекает на что-то расплывчатое, непривычное тому, кто мыслил формулами. И ты вдруг понимаешь, что математика несовершенна, что она далека от жизни, где работают другие законы. Что $2 + 2$ равно четырем только в мире денег.

Осознав это, а также, что в мире нет совершенства, становишься смелее и уже не боишься повториться, написать красивый штамп или мысль, которую не до конца осознал. И уже не завидуешь Адаму, который до появления Евы мог говорить любую чушь, не боясь обвинений в тривиальности или перемалывании избитых истин.

Изменение вектора

Почему богатые часто жадные и экономные?

Не потому, что у них работают гены жадности, помогавшие, кстати, им стать богачами. Это магия цифр. Богачи привыкли, что счет в банке растет. А когда он начинает уменьшаться, то в душе нет покоя и радости. И не важно, что на счете миллиард, и даже одна сотая капитала позволит жить беспечно. Уменьшение числа – вот что главное.

В сорок-пятьдесят лет мы огорчаемся не потому, что появилась седина и начали поскрипывать колени. Нам не нравится, что поменял направление вектор изменения жизненных сил.

Писатель огорчается, когда написал слабый роман. И не от того, что роман никуда не годится. Ему страшно, что изменился вектор, что начал угасать его талант. Писателю становится страшно иметь дело с издательствами, которые сообщают точное число проданных книг – а вдруг его труды становятся непопулярными? То ли дело обычные издательства, грешащие тайными допечатками тиража. Всегда можно об этом подумать и успокоиться.

Бороться с страхом изменения вектора невозможно – это сидит в генах. Помогает рюмка коньяка и красивая женщина. И еще понимание, что даже со страхом можно неплохо жить.

Дорога в степи

Если долго-долго идти по дороге, выходящей между зелеными холмами, украшенной по обочинам нежными цветами, овеваемой теплыми ветрами, то обязательно придешь к каким-нибудь воротам, за которыми будет лаять злая и вредная собачонка.

Ворота стоят, собачонка лает, но можно пройти мимо и идти дальше. Там будет другая дорога. И если потом идти долго-долго, то обязательно придешь к какому-нибудь морю.

А вот куда дальше идти, я не знаю. Да и надо ли идти дальше? Можно просто посидеть на берегу и вернуться к тем, от кого ты ушел.

Дорога не может быть целью. И чужое море тоже.

Мир против нас

Да, мир против нас. Теория вероятностей придумана дьяволом. Мы лишь пешки в огромном казино, где никак не может выпасть «зеро», на которое мы поставили.

Выиграть в лотерею? Она специально придумана, чтобы отнять у тебя деньги.

Встретить человека, который будет тебя понимать и с которым будет хорошо долгие годы – это почти невозможно. Твой избранник, скорее всего, будет любить не то, что любишь ты, и говорить такое, что ты не хотел бы слушать. Он поселится в твоём личном пространстве, где ты надеялся быть единственным хозяином.

Приходя в науку, ты мечтал сделать открытие, но сделали его другие. В бизнесе добивается успеха один из ста. Из тысяч бегунов только один становится чемпионом мира. Петь умеют почти все. Звездами становятся единицы. Пишут книги и стихи миллионы. Но многих ли мы знаем?

Тем, кому выпало это злополучное «зеро», тоже несладко. Около них собирается темная туча мнений, оценок, осуждений, злости, зависти. Написал хороший роман – украл сюжет, украл чужие мысли или сделал что-то нехорошее, пока писал или просто жил. Про других всегда «знают», что им помогли связи, родственники, покровители, любовники. Они шагали по головам, продавали совесть, душу, использовали рабов, отстреливали конкурентов, на всех плевали, расталкивали локтями, давали и брали взятки, распутничали. Список длинный. Самое мягкое злословие – «это у него случайно получилось». Как будто ты шел по улице и нашел кошелек с золотыми монетами. И, все равно, ты – сволочь, потому что не поделился. Это ненависть к теории вероятностей.

Но если ты умер, страсти утихают. Ты освободил место, ушел в историю. Тебе сразу многое прощают: все мы не без слабостей, ничто нам не чуждо, от каждого из нас хоть какая-то польза.

А вот мне нравится теория вероятностей! Вооруженный этой премудростью я смело сажусь в самолет, за руль машины, покупаю компьютер, выпиваю бокал вина. Очень мала вероятность, что самолет разобьется, компьютер сломается, а вино в бокале будет отравлено.

– Автор, а ты что сказать-то хотел? – спросите вы. – Это мы знали.

Автор хотел сказать, что мы живем в мире не простых вероятностей, а условных – есть такое понятие в математике. Вероятность найти клад выше, если вы копаете землю не у себя в огороде, а на острове, где останавливались пираты. Вероятность без приключений доехать из пункта А в пункт В зависит от года выпуска вашего автомобиля. Вероятность написать хороший рассказ зависит от того, сколько строчек вы написали до этого, и что вы прочувствовали и продумали за свою жизнь.

– Ага, – скажете вы. – Без труда ничего не вынешь, а дорогу осилит идущий. Это мы тоже знаем. И еще знаем, что каждое прочитанное слово укорачивает жизнь на одну секунду. Ты тут накопал кучу строчек и укоротил наши жизни, ничего не дав взамен. Ты лучше расскажи про остров, где надо копать!

Ну что тут может сказать автор. Он не нашел клад, не стал президентом, не получил Нобелевской премии, под его окнами на дежурят толпы поклонников. Но он честно боролся с дьявольской теорией вероятностей, искал тот самый остров, где хмельные пираты пересчитывали золотые дукаты. Для начала он понял, что этого острова нет на его любимом диване, нет его и в экране телевизора, на золотистых пляжах, на дне хрустальных бокалов, в глазах веселых и доступных женщин.

Это было шоком! Оказалось, что путь к нужному острову лежал через копание ям под телефонные столбы, работой на конвейере автозавода, чтением толстых и скучных книг,

мытьем пробирок, толкотней в очередях, попытками понять то, что не понимали другие. А этот проклятый остров никак не хотел показываться на горизонте. Уже и корабль был в пути, и ветер попутный, и команда собралась веселая и отважная.

Но как-то утром, когда все вышли на палубу, тот, кто не так много пил вчера, сказал, что нет этого острова. Его придумали для того, чтобы мы все собрались на корабле, радуясь розовым облакам и плеску волн за бортом. И к черту эту теорию! И не так плохи диваны в наших каютах, не такое горькое вино в наших бутылках, а веселые женщины гораздо лучше, чем бесконечно угрюмое прокладывание курса в поисках фата-морганы. И что президентом можно быть в стране, где ты единственный житель, что звездой можно стать для своих детей, что можно открыть то, что не знал раньше сам и вручить премию самому себе.

И назвать эту премию именем своей любимой – для тебя это будет самая престижная премия.

Гармония

Математика – высшая гармония. Если $A=B$, а $B=C$, то $A=C$. И так всегда, даже за секунду до конца света.

Гармония в физике тоже есть, но с темными пятнами. Нам не суждено понять полную физическую картину мира.

Гармония в биологии сложнейшая. Вот сидит воробей на экскаваторе, и ты понимаешь, что воробей в миллиарды раз сложнее и гармоничнее, чем эта груда железа.

А вот где совсем нет гармонии, так это в наших головах. Думаешь, как порадовать любимую, а вместо этого ссоришься с ней. Сидишь работать, а вместо этого читаешь журнал «Сноб». Начинаешь наводить порядок в письменном столе, а вместо этого два часа читаешь старые письма.

Жажда ненужных знаний

За стенами лабораторного корпуса заканчивался развитой социализм, а в подвале этого корпуса мы с Борей ремонтировали японский компьютер размером с пианино. Из компьютера тянулись провода, мигали зелеными лучами осциллографы, на полу лежали огромные бумажные схемы, Боря паял, а я сидел в кресле и думал.

– Ты химик, а паяешь лучше меня, – сказал я.

– Так сколько я усилителей спаял для дома и семьи, – ответил Боря, вытаскивая пинцетом очередную микросхему. – Все знания пригождаются.

– А зачем тебе знания забугорного кино?

– Умные разговоры поддерживать.

– А зачем ты вчера Ленина перечитывал?

– Хотел понять, что такое НЭП.

– Зачем?

Боря положил паяльник, подул на плату с микросхемами и повернулся ко мне.

– У меня есть жажда ненужных знаний. С ними мне как-то увереннее жить.

Из блокнота

Беседа

Мы беседовали о происхождении жизни и о бозонах Хиггса. Никто в этом не разбирался и, поэтому, беседа текла плавно и приятно.

Шутка генетиков

Ламарк отчасти прав, у разбогатевшего родителя (приобретенный признак) рождаются богатые дети.

Человек велик!

Человек превосходит компьютер в том, что может не работать, даже когда исправен и нажата кнопка «старт».

В гости

– У меня был аспирант из Сербии. Отличный парень, постоянно зовет в гости. Обещает, что все его родственники будут к моим услугам. Мне покажут все, что можно и нельзя.

– Ну и?

– Я для него как Бог. Ты можешь представить неделю работы Богом? Но не в смысле работы по сотворению мира, а в смысле почитания. Я не выдержу!

О спорте

– Сколько раз ты можешь присесть?

– Сколько угодно. С приседанием проблем нет. Есть проблемы со вставанием.

О прогрессе

Всегда думал, что прогресс человечества основывается на нашей лени, на нежелании работать и думать. Сэмюэль Батлер сказал другое: прогресс основывается на желании каждого человека жить не по средствам.

Теперь это надо переварить. У меня нет такого желания. Что со мной не так? Не отстаю ли я от прогресса? Осталась одна надежда на лень.

Не согласен

– Когда мы разговариваем, ты не соглашаешься ни с одним моим предложением. Наверное, я всегда говорю только чушь.

– Это не так.

– Вот ты опять не согласен.

В деревушке

Можно ли жить в маленькой деревушке и разбираться в жизни большого мира?

Можно, в большом мире происходит все то же самое.

Смартфоны

– Оглянешься вокруг и поймешь, что смартфоны – это ужас. Да еще соцсети. Все чего-то пишут.

– Так это прекрасно! Люди стали писать. Скоро они и читать начнут.

Мария Магдалина

- Слышал, что по черепу восстановили облик Марии Магдалины?
- Ну и как?
- Не похожа.

Деньги и счастье

Говорят, что после определенной суммы деньги уже не приносят счастья. Очень хочется проверить это на практике.

Коучер

Легко работать коучером. Из миллиарда человек всегда можно выбрать, кто с Нового года решил жить по-новому, составил план, поработал над собой и через год добился успеха. О нем и нужно рассказывать, а не о 999 999 999, у кого это не получилось.

Фейсбук

Наконец понял, зачем люди ставят в Фейсбук десятки однотипных фото в одной записи – они хотят разорить Цукерберга, который вынужден покупать дополнительные блоки памяти.

Новый сервис

Почему нет сервиса, который бы показывал на телефоне координаты людей, готовых в данный момент поговорить о том, что сейчас все плохо, а будет еще лучше?

Скандинавская ходьба

- При скандинавской ходьбе работают 90% мышц.
- А если при этом разговаривать, то все 100!

Пороки

Мы не предаёмся всецело одному пороку чаще всего лишь потому, что у нас их несколько.

- Ларошфуко.

А ведь он сформулировал то, на чем еще держится наш мир.

Предубеждения

По утрам, читая новости, завидую людям с предубеждениями. Им так легко делать выводы – любой факт сразу ложится в устоявшуюся схему.

Путь вниз

Кто поднимался на вершины знает, что там не так замечательно, как поют в песнях. Неуютно на маленькой площадке среди черных камней и снега. Мороз, ветер и никаких красот – до горизонта тянутся серые пики, дымка закрывает зеленые долины, небо темное, неприветливое. Яркое солнце заставляет надевать темные очки, которые отдаляют реальность, ты перестаешь чувствовать себя. Кажется, кто-то другой тяжело дышит, закрывает горло воротником ветровки и ищет в кармане карандаш, чтобы написать записку и вложить ее в жестяную банку, спрятанную в пирамидке из острых камней.

Вершины у всех разные. Написанная книга, первый миллион, должность, где ты достиг своего уровня некомпетентности. Эйфория вершины недолгая. Дальше путь вниз с одним желанием – быстрее добраться до первой травы, у шумного ручья зажечь примус, заварить крепкий чай и лечь на спину, радуясь, что живой. Путь вниз сложнее пути наверх. Ты плохо видишь куда ступает нога, «живые» ли камни, нет ли под снегом трещины на леднике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.